

Н.А. Дубова
(Россия, Москва)

МОГИЛЬНИК И ЦАРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НА БЕРЕГАХ БОЛЬШОГО БАССЕЙНА СЕВЕРНОГО ГОНУРА

В результате археологических исследований Маргианской археологической экспедиции под руководством В.И. Сарияниди в 2004 г. на южном и восточном берегах большого южного бассейна Северного Гонура были выявлены скопления человеческих захоронений в цистах и камерах. Как уже было отмечено в публикациях, основным местом, где совершались захоронения древних маргушцев, был некрополь, который располагался в 300 м к западу от дворцово-храмового комплекса. Некрополь занимает площадь около 10 га и имеет ту же датировку, что и весь памятник (конец III – II тыс. до н.э. – Сарияниди, 2001, с.14). Весной 2002 г. некрополь был раскопан полностью.

Среди обнаруженных там 2853 могил и «поминальных лунок» (fire places - небольшие ямки, диаметром менее 0,5 м, во многих случаях содержащие сильнообожженные кости мелкого рогатого скота – баран/коза) тип конструкции погребальной ямы определить было возможно в 2642 случаях. Подавляющее большинство маргушцев было захоронено в шахтных могилах (86,8%). Обычные ямные погребения были встречены в 9,0% случаев, еще 2,2% и 2,0% составили цисты и камерные гробницы соответственно (Sarianidi, in press). Погребенные обычно лежали на правом боку (87,7%), головой на север или северо-запад (82,7%) в скорченной позе. В 90,5% шахтных погребений был захоронен один человек, только в 3,0% два индивида. В одной такой могиле были встречены останки 3 человек, а в одной – четырех. Из 52 цист в трех были захоронены 2 человека, в двух – три. Чаще всего множественные захоронения отмечались в камерах (всего 72,3% одиночных). Причем в

одной камере (№ 1999) были найдены останки 9 человек.

Следует особо отметить, что в подавляющем большинстве камер костные останки людей были представлены лишь так называемым костяным крошевом. Добавим также, что в одном из помещений дворца была обнаружена дахма: в комнате без потолка на полу в обычной позе лежал один человеческий скелет. Кости еще 9 скелетов были сдвинуты в один угол вместе со своими погребальными приношениями. Учитывая, что входы в камерные гробницы некрополя закладывались сырцовыми кирпичами «всухую», без применения какого-либо раствора, вполне логично полагать, что и эти погребальные конструкции использовались для последовательных захоронений.

Несмотря на то, что из 47 камер, открытых на некрополе все за исключением трех (№ 194, 555, 1999) были разграблены,¹ самые богатые находки были сделаны именно в них и в цистах. Таким образом, уже при раскопках некрополя было установлена социальная стратификация маргушского общества, где самые богатые составляют 4,2% населения, самые бедные – 9%, а условно называемый «средний класс» - остальные 86,8%.

Новые данные, подкрепляющие эти выводы, были получены при раскопках помещений храмов, окружающих гонурский кремль со всех сторон². Они показали, что, когда дворцово-храмовый ком-

¹ Из 2596 погребений только 428 (или 16,5%), а из 52 цист только 3 были неогранными.

² Антропологические работы проводятся при частичном финансировании в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

плекс Северного Гонура потерял свое значение, его руины были застроены домами и лачугами рядовых общинников и бывших горожан. Невдалеке от своих новых жилищ они хоронили умерших, приспособив для этого руины, как дворца, так и окружающих его храмов и других построек. В этих погребениях при раскопках обнаружены костные останки людей разного возраста и имущественного положения. Радиоуглеродные даты образцов, полученных непосредственно из таких впускных погребений в помещениях, варьируют около 1700-

1600 гг. до н.э. Таким образом, эти погребения относятся к последнему (третьему) периоду существования памятника.

Отмеченные в руинах конструкции погребальных сооружений практически не отличаются от тех, что были встречены на некрополе. Необходимо, правда, отметить, простоту их устройства, меньшую глубину, а также наличие захоронений в пифосах. Почти на всех участках, кроме раскопа 6 (за пределами обводной стены – западный могильник) шахтные могилы были встречены в единичных случаях.

Таблица 1. Типы погребальных сооружений на руинах дворцово-храмового комплекса.

Тип погребального сооружения и	Раскопы				P5-P8 суммарно	
	5	6	7	8*	Единиц	%
Ямные	144	23	35	50	252	65,6
Цисты	14	2	0	29	45	11,7
Шахтные	2	22	2	1?	27	7,0
Печи, очаги	6	0	2	1	9	2,4
Пифосы (включая пифосы, помещенные в ямы)	23	1	7	6	37	9,7
Камеры	0	0	0	2	2	0,5
?	5	1	4	2	12	3,1
ИТОГО	194	49	50	91	384	
% от общего числа погребений на руинах	50,5	12,8	13,0	23,7	100	

* - Без учета погребений «царского могильника»

Как видно из данных табл. 1, на всех участках подавляющее большинство составляют ямные могилы. Вместе с погребениями в пифосах (крупных керамических сосудах) их доля достигает 75,3% от всех погребений в руинах суммарно. Поскольку, археологическими исследованиями на некрополе установлено, что в ямных могилах хоронились представители самого бедного социального слоя Маргианы, наши материалы свидетельствуют, что последними жителями дворцово-храмового комплекса Северного Гонура, уже превратившегося в руины, было, конечно, беднейшее население страны. Об этом же свидетельствует или полное отсутствие или чрезвычайная бедность погребальных приношений.

Среди выявленных погребений в северной части комплекса выделяется сохра-

нившаяся неразграбленной циста № 2900, в которой захоронены два пожилых человека – мужчина и женщина (рис. 1). Оба лежали в скорченной позе на правом боку, головой на север. Непосредственно под мужским скелетом находился полный скелет молодого ягненка. Вдоль северной и западной стенок цисты стояло 27 керамических сосудов (рис. 2). Около головы мужчины разместились богатые личные погребальные приношения – серебряные и фаянсовые браслеты, гребень из слоновой кости, фаянсовый панцирь черепахи, серебряные кубок и стаканчик, бронзовые сосуды. У западной стенки погребения найдена шкатулка или деревянная плакетка, украшенная инкрустацией из слоновой кости (рис. 3).

Рисунок 1. Циста 2900 на раскопе 5 (северная часть дворцово-храмового комплекса)

Особо обращают на себя внимание бронзовый наконечник копья (длина – 43,5 см) с загнутым черешком (рис. 4) и великолепная серебряная булава с навершием в виде гордо шагающего верблюда, находившаяся под самым подбородком мужчины и, видимо, закалывавшая ворот одежды. Еще более великолепное нагрудное украшение – ожерелье с двумя симметрично расположенными коровами лежало около шеи усопшего. Коровы искусно сделаны из серебра: их тела, глаза и хвосты инкрустированы полудрагоценными вставками из бирюзы, сердолика и лазурита. Само оже-

релье состоит из тех же камней, причем в отверстия каждой бусины с двух сторон помещены бронзовые крепежные вставки, в которые вдевалась нить, что подчеркивает высокое мастерство маргушских ювелиров.

Кроме того, в юго-западном углу этой цисты найден комплекс медно-бронзовых предметов, получивший условное название «ритуальный набор» (рис. 5). В него вошли большой треугольник с петлями в каждом углу, два небольших круглых зеркала, косметический флакон с крышечкой, сосудик в виде почки, небольшая воронка с ручкой и ситом для процеживания жидкостей, блюдечко и большой нож, а также длинный серебряный аппликатор для нанесения краски на тело или лицо. Дополняли это набор бронзовых предметов ребра молодого ягненка, видимо остатки ритуальной трапезы. Рядом с этим набором на полу цисты находился глиняный лепной необожженный сосуд, в котором у его западной стенки стояла целая состав-

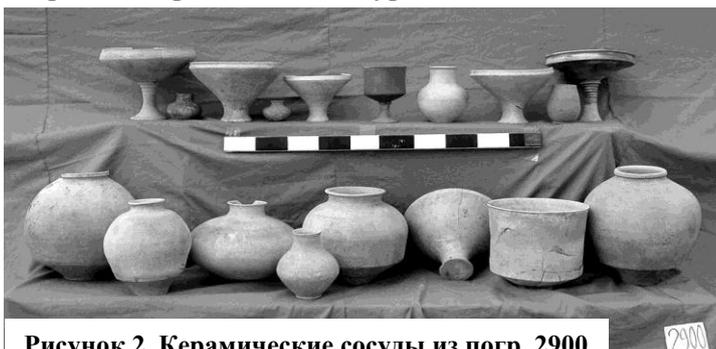
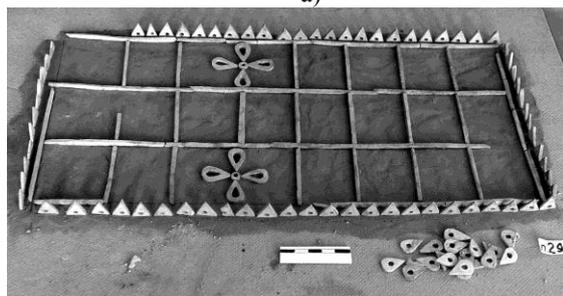

Рисунок 2. Керамические сосуды из погр. 2900

ная статуэтка. В момент расчистки на белой мраморной голове статуэтки была зафиксирована черная масса, изображающая, по видимому, волосы или головной убор. Эта масса разрушилась прямо на глазах археологов под воздействием воздуха. На стенках лепного необожженного сосуда сохранились фрагменты белой тонкой обмазки со следами красной и черной краски.

а)

б)

Рисунок 3. Крышка шкатулки (?) инкрустированная слоновой костью из погр. 2900. а) in situ; б) реконструкция: рядом лежат вставки из слоновой кости, найденные около «дна» шкатулки.

Еще более интересным оказалось захоронение животных, находившееся непосредственно у восточной стенки цисты. Это было погребение двух взрослых баранов, лежавших головами на запад и мордами друг к другу. Передние конечности обоих баранов были переплетены между собой. За спинами животных лежало по одному маленькому ягненку, за задними ногами – две собаки, а около спины северного барана – нижняя челюсть лошади (рис. 6). Всё погребение, включая животных, было устроено на толстом (местами доходившем до 10 см) слое зерен злаков – пшеницы и ячменя. Что могло означать столь причудливое сочетание компонентов?

Рисунок 4. Наконечник копья с загнутым черешком из погр. 2900 (in situ)

Уже в некрополе Гонура были встречены единичные погребения в кирпичных камерах, где вместе с людьми хоронили животных (как правило, ягнят), но в данном случае были обнаружены бараны, захороненные вне таких камер.

а)

б)

Рисунок 5. «Ритуальный набор» предметов из погр. 2900. а) in situ; б) в разобранном виде

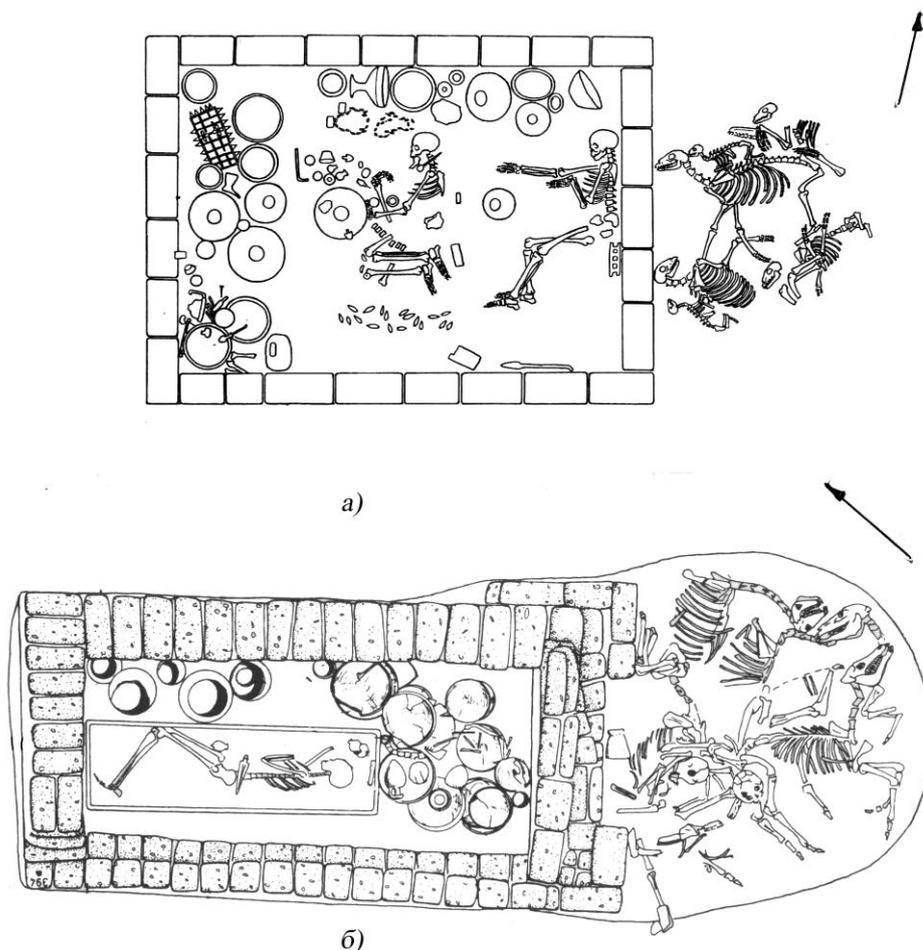

Рисунок 6. Схемы погр. 2900 Северного Гонура (а) и погр. А/Ш-I по. 5 (могила помощника казначея по имени 'Аму, «Азиат») Авариса (б) (воспроизводится по : Vietak, 1991)

Удивительно, но точно такие погребения были достаточно широко распространены на другом краю Древнего Востока – в Египте. Раскопки австрийских археологов в дельте Нила выявили здесь город Аварис, основанный выходцами из Северной Сирии. В их погребальных обрядах широко использовалась практика захоронения убитых животных снаружи обычных кирпичных камерцист. Гонурские и египетские захоронения такого рода сходны между собой в высшей степени.

Обращает на себя внимание разное число обнаруженных погребений с северного, западного и южного фаса. Исходя из этих данных, можно полагать, что раньше всего для впускных погребений стали использоваться руины северного фаса комплекса, в самую последнюю очередь – бывшие помещения, расположенные между южными стенами кремля и каре. Можно думать, учитывая и устройство двух самых

крупных бассейнов именно на юге, что этот участок дольше всего оставался обитаемым. В те годы, когда и дворец, и окружающие его храмы еще не полностью потеряли свое религиозное значение, но центр Маргианы уже переместился вместе с водой Мургаба в другой оазис, в непосредственной близости от обводной стены, все еще являвшейся границей, которую нельзя было игнорировать, постепенно стали образовываться небольшие могильники. Скорее всего, этот процесс был таким же, как это имеет место и в наши дни, особенно на Востоке около почитаемого или святого места. Свидетельством этому являются скопления погребений за обводной стеной и в непосредственной близости от нее на северо-востоке, западе и юге описываемого комплекса.

Когда величественные некогда стены Храмов и Дворца сравнялись с землей, именно они, удобно отличаясь от окру-

жающих их просторов сыпучих песков, стали удобным местом для столь распространенного еще в неолите способа захоронения умерших детей вне дома, но недалеко от него.

Рисунок 7. Захоронение баранов, погр 3124

Судя по частоте встречаемости погребений в помещениях, можно отметить, что наиболее рано в руины превратились строения северной части комплекса – здесь обнаружено и наибольшее абсолютно число погребений (50,5%) и скопление захоронений в отдельных помещениях превышает таковые на других фасах. Необходимо, правда, отметить, что на юго-восточном фасае (раскоп 7) обводную стену или ее следы пока обнаружить не удалось. Все имеющиеся строения, продолжающиеся в эту сторону, выходят на такыр и полностью разрушены. В настоящее время поиски в этом районе каких-либо следов погребений также пока успехов не принесли. Можно предполагать, что в последний период существования памятника именно на юге, между стенами кремля и каре, концентрировались жилые дома поселенцев.

За пределами территории, ограниченной обводной стеной комплекса, с севера, запада и юга встречены группы погребений, которые могут быть квалифицированы как небольшие могильники. Так, на севере выявлено 10 погребений в цистах, на западе – 30, значительную часть которых составляют подбойные могилы, а на юге – целый погребальный комплекс, где в настоящее время вскрыто более 90 погребений, причем некоторые из них больше всего сходны с камерными гробницами. Как отмечалось выше, этот тип погребальных сооружений хорошо известен на некрополе, но, в отличие от нек-

рополя, гробницы около южной части обводной стены, имеют значительно более простое устройство. Вместо 2-3 камер в них всего одна, но нередко перегородженная на две части низенькой перегородкой высотой в один кирпич, поставленный на бок. Вместо большого числа внутрестенных ниш в них обычно лишь одно углубление, как правило, в северной стене, где помещены 2-3 керамических сосуда.

Среди раскопанных погребений-цист на названном условно Южном могильнике следует особо остановиться на нескольких. Прежде всего, это погребение № 3124, размером 125 на 90 см и глубиной 50 см, со стенками из сырцовых кирпичей, положенных плашмя, в котором были захоронены только два взрослых барана и один ягненок (рис. 7). Оба больших животных лежат на правом боку, один в затылок другому, головами на север. Их задние ноги подтянуты к передним (в чем можно увидеть аналогии со скорченной позой погребенных людей). В юго-западном углу цисты, сразу под ногами южного барана – также на правом боку, головой на запад лежал полный скелет ягненка.

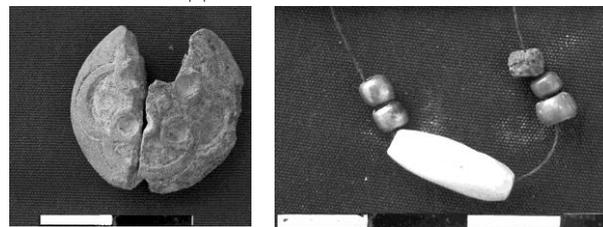

Рисунок 8. Бусины из погр. 3124.

Вдоль северной и западной стен погребальной ямы стояли 7 керамических сосудов, внутри одного из которых находился миниатюрный фаянсовый сосудик, окрашенный изнутри и снаружи в ярко-синий цвет. Внутри другого керамического сосуда была положена большая бронзовая чаша. Перед головой северного барана обнаружено несколько мелких золотых, бронзовая и гипсовая цилиндрическая бусины (рис. 8). Дополняли погребальные приношения куски жертвенного мяса, положенные сверху на несколько сосудов. Около ребер-задних ног ягненка лежал керамический бокал на ножке, отверстие которого было накрыто небольшим фрагментом керамики. Под сосудами, на полу могильной ямы около северной ее стенки найдена сломанная стеа-

титовая бусина («пуговица») с геометрическим орнаментом.

Рисунок 9. Захоронение баранов, погр. 3130.

Еще более богато были захоронены три барана в погребении № 3130 (рис. 9). Циста, сложенная из сырцовых кирпичей, имела размеры 230 на 125 см и была глубиной всего 25 см. Два из них – взрослые животные – лежали в центре кирпичной цисты у ее западной стены мордами друг к другу и головами на северо-запад-запад. Задние ноги обоих баранов согнуты, передние – выпрямлены, направлены в сторону своего «визави». За спиной северного барана, почти в северо-западном углу могильной ямы, на правом боку лежал ягненок, головой на северо-восток. Вдоль стен и в углах ямы стояло 8 керамических сосудов. В юго-западной и северо-западной половинах погребения помещены 2 цилиндрических бронзовых сосуда, в одном из которых находился миниатюрный фаянсовый косметический сосудик с узким горлышком.

Рисунок 10. Шкатулка с инкрустацией из слоновой кости в виде решетки из погр. 3130

Около таза южного барана лежала бронзовая булавка длиной 13 см, невдалеке, также как и у ног северного животного, лежало множество бронзовых, сердоликовых и гипсовых бусин, в том числе в виде бисера. У ног баранов, т.е. около восточной

стенки цисты на высоте 15 см над уровнем пола найдены остатки, по-видимому, деревянной крышки от шкатулки (или плакетки) с решетчатой инкрустацией из слоновой кости (рис. 10). Узор сходен с таковым, найденным в пом. 115 («царское святилище») на северном фасае комплекса, и отличается от шкатулки из погр. 2900 отсутствием боковых украшений и изображений розеток.

За спиной северного барана положено несколько бронзовых предметов: косметический флакон с бронзовым аппликатором внутри, большой кинжал, зеркало, а самое главное – два так называемых «гарпуна». Один – размером 49 см с серебряной рукояткой, а второй – с острым концом и длиной 65 см (рис. 11).

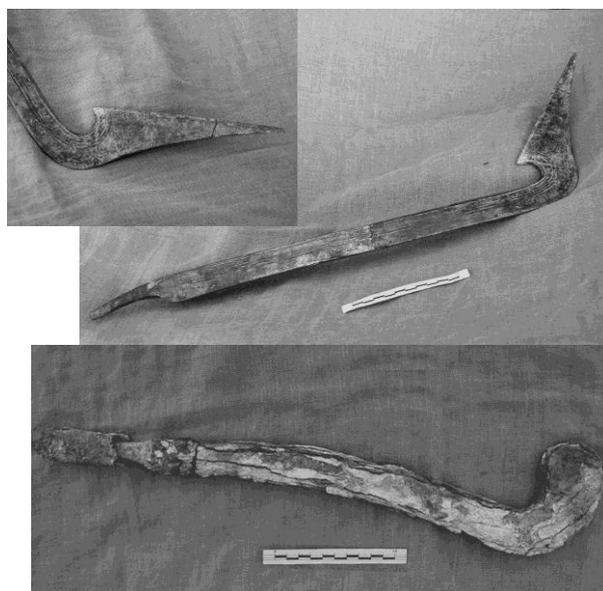

Рисунок 11. «Гарпуны» из погр. 3130.

«Гарпуны» этого типа были известны пока только в Египте, Библе и Сиро-Палестине, а так же в Эламе и Бактрии. Теперь они выявлены и в Маргиане. Оба «гарпуна» из погребения 3130 были тщательно завернуты в ткань, о чем свидетельствуют отпечатки ее, сохранившиеся благодаря окислам меди (рис. 12).

Дополняют погребальные приношения этим животным 3 кремневых наконечника стрел, положенные в один из сосудов. Сверху на богатый набор бронзовых предметов были положены куски мяса молодого верблюда, о чем свидетельствуют длинные крупные ребра. Спина третьего из погребенных баранов – ягненка – лежит непосредственно на бронзовом «гарпуне» с ост-

рым концом. Хотя назначение подобных «гарпунов» с точностью неизвестно, уже были отмечены подобные предметы в руках царей и богов на изображениях месопотамской глиптики.

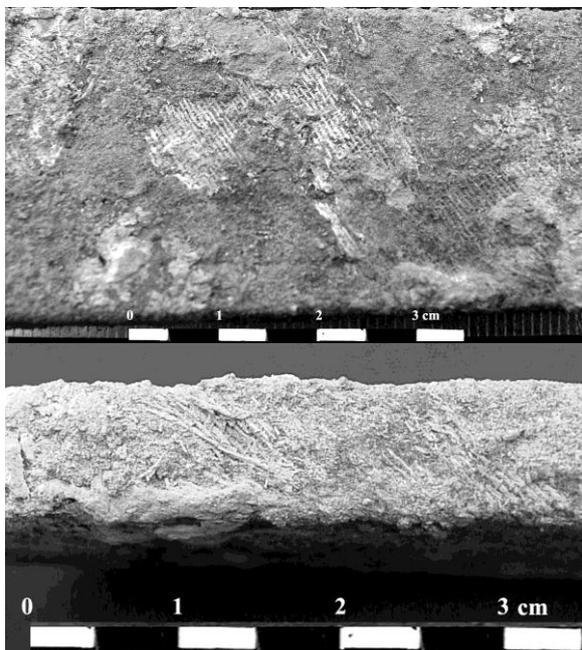

Рисунок 12. Отпечатки ткани на «гарпуне» с острым концом из погр. 3130.

Еще одна циста Южного могильника, которую мы упомянем здесь, - парная (погребение № 3155) (рис. 13). Два человеческих скелета лежат на правом боку в скорченном положении головой на север. Голова второго погребенного (женщина, около 16 лет) находится у локтей первого (мужчина 40-50 лет), причем оба лежат на земляном возвышении высотой около 10 см. 12 керамических сосудов стоят у северной стенки камеры; 3 (все миниатюрные) - перед лицом женщины, в руках которой была зажата терракотовая женская сидящая статуэтка (рис. 14). В сложенных на поясе руках статуэтки лежала большая каменная бусина. «На уши» молодой женщины были надеты маленькие золотые сережки. На оба запястья женщины одеты небольшие бронзовые браслеты, а также браслеты, составленные из каменных (сердоликовых, бирюзовых) и золотых бусин (рис. 15). На одном из пальцев правой руки - простое бронзовое колечко. Между костями грудной клетки найдены серебряная коническая пуговица с петелькой и небольшая каменная бусина. Вместе с керамическими сосудами

перед головой женщины стояла бронзовая чаша, внутри нее - бронзовый цилиндрический стаканчик, а под ними - косметический флакон с аппликатором. На тулове флакона с трех сторон имеются рельефные изображения голов горных козлов, которых атакуют змеиные драконы с широко разинутыми пастьями. Сверху все бронзовые предметы были накрыты бронзовым зеркалом. На дне могильной ямы под этим набором керамических и бронзовых предметов найдено большое число восьмигранников и пластинок из слоновой кости с кружковым орнаментом, а также так называемые «гадательные палочки» (рис. 16). Внутри бронзового стаканчика - три кусочка каолина, из одного из которых торчали 5 верхних частей (с различными навершиями) сломанных булавок из слоновой кости. Отломанные фрагменты булавок найдены вперемежку с указанными изделиями из слоновой кости.

Рисунок 13. Погребение 3155 в процессе расчистки. Вид с юга.

Около грудной клетки женщины на полу цисты лежала каменная миниатюрная колонка. Второй набор бронзовых погребальных приношений расположен в северо-восточном углу этой же камеры, за головой

первого погребенного. Он состоял из двух миниатюрных бронзовых блюдец, в которых находился цилиндрический стакан, а также миниатюрный косметический флакон с крышечкой и аппликатором. На одно из блюдец был положен двузубый предмет, напоминающий вилку. Сверху на всем этом скоплении погребальных приношений лежала стеатитовая тарелка (диаметр 25 см). На шее мужчины находились четыре бусины – одна круглая золотая, две из горного хрусталя и одна из зеленого камня. Под правым плечом мужчины обнаружено скульптурное изображение извивающейся змеи, изготовленной из слоновой кости размером 10 см и диаметром 1 см (рис. 16).

Рисунок 14. Терракотовая статуэтка в погр. 3155 in situ.

В ногах погребенных в камере № 3155 находился полный скелет барана, спина которого лежала вдоль южной стены, а голова была направлена на восток. Никаких предметов с костями животного не найдено. Обращает на себя внимание, что размеры камеры малы для двойного погребения (рост мужчины может быть приблизительно оценен в 168-170 см, но он был широкоплеч; женщина значительно более миниатюрна – рост не более 145 см и очень тонкого телосложения). Кто были эти два столь богато одаренные для потусторонней жизни человека – любящий муж и его юная жена или же безутешный отец с любимой дочерью – остается только гадать. Пока, исходя из положения костных останков и нарушенного анатомического по-

рядка нескольких позвонков, ясно лишь одно: женщина была погребена, скорее всего, чуть позже мужчины.

Рисунок 15. Бусины из погр. 3155. 1 – около запястья женского скелета; 2 - серебряная пуговица; 3 – в «руках» у терракотовой статуэтки; 4 – между костями грудной клетки женского скелета; 5- золотые сережки; 6 – около подбородка и шеи мужского скелета.

Наконец, в цисте № 3149 (135 на 145 на 30 см), расположенной сразу за южной частью обводной стены, был похоронен мужчина 40-50 лет. Погребенный лежал на спине в восточной половине цисты, головой на север на возвышении из глины 15 см высотой (рис. 18). При погребении ноги умершего были поставлены вертикально, но в процессе разложения завалились в западную сторону. Подавляющая часть погребальных приношений располагалась в западной части цисты.

Рисунок 16. Изделия из слоновой кости из погр. 3155.

Они состояли из 12 керамических сосудов (5 больших и 2 малых конических, 1 большого с подкосом и 3 средних банковидных, 1 ваза на ножке), стоявших вдоль западной стенки.

Рисунок 17. Змея из слоновой кости из погр. 3155.

За затылком погребенного, упираясь непосредственно в северную стенку цисты, располагалось 6-ью зубьями вверх бронзовое навершие жезла. Около шеи, между костями грудной клетки и рядом на полу найдено несколько десятков гипсовых цилиндрических и одна многоугольная бусина, видимо представлявшие собой ожерелье, одетое на шею умершего, а также один гипсовый шарик (1 см в диаметре) без отверстий.

Рисунок 18. Погребение 3149.

Сразу за южной стенкой цисты обнаружена яма 185 на 50 см и глубиной 25 см. В яме найдены скелеты двух молодых животных (баран/коза). Сохранность костей очень плохая, но можно определить, что животные лежат один головой на восток, другой – на запад, спинами вдоль южной стенки основного захоронения.

Около донца большого конического сосуда, стоявшего в юго-западном углу цисты, найдено интересное скопление предметов (рис. 19). Это – 5 бронзовых наконечников стрел, 5 каменных конусов разной величины, 3 усеченных каменных конуса, 4 каменных шарика без отверстий, 1 каменный шарик с аккуратно отрезанным сегментом и 1 гипсовый шарик аналогичный тому, который был найден около головы погребенного. И количество, и, особен-

но, расположение этих предметов заставляют задуматься об их ритуальном назначении. Интересно, что отдельные конусовидные каменные предметы и каменные шарики, встречались, как на некрополе Гонура, так и на других маргианских памятниках (Тоголок-1, Тоголок-21). Но тогда все они были найдены вне культурного контекста. Данная находка – первая, где они обнаружены *in situ*, что открывает широкие возможности для изучения представлений древних маргушцев.

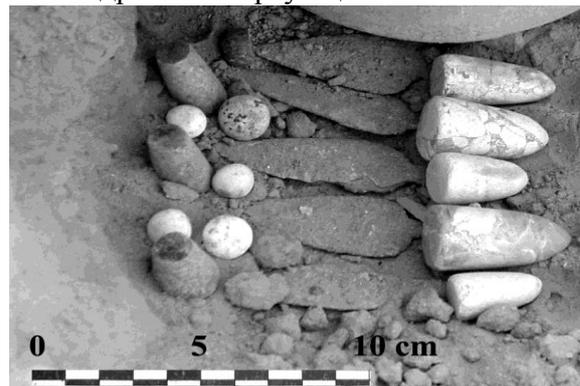

Рисунок 19. Скопление каменных предметов и бронзовых наконечников стрел из погр. 3149.

В данной работе, естественно, нет возможности остановиться на описании других погребений, хотя большинство из них (включая даже и обычно остающиеся «за кадром» младенческие) дали богатую информацию об обычаях и традициях населения Северного Гонура. Показателен факт, что в отличие от некрополя, где ограбленные погребения, как уже указывалось, составляют свыше 80%, на южном могильнике явно преобладают неограбленные. Более того, несколько погребений (например, №№ 3170, 3171 и 3172) представляют собой обширные цисты (первая 140 на 90, вторая 270 на 135, а третья – 130 на 100 см), тщательно обмазанные изнутри глиняной штукатуркой. В северной части цисты № 3170 захоронены два младенца, родившиеся преждевременно. Вся остальная часть цисты пуста.

В цисте № 3171, расположенной рядом, найдены останки трех детей разного возраста, погребенных в разных местах цисты и на разной глубине. Аналогично и в погребении № 3172: останки ребенка находились в северо-западной части цисты, занимая пространство лишь 60 на 40 см –

достаточно типичное для захоронения детей в руинах комплекса. Никаких погребальных приношений во всех трех могилах не обнаружено. Вполне логично предположить, что все рассмотренные выше детские погребения впускные. Поскольку все перечисленные могилы расположены очень близко друг к другу, можно предположить следующее. По-видимому, желая предать останки детей земле, родители случайно попали на сооруженную значительно раньше цисту достаточно состоятельных сограждан. Взяв из нее все ценное, они могли поинтересоваться и соседними погребениями. Во всяком случае, в заполнении цисты № 3171 были найдены осколки сланцевого посоха, подобного тем, что нередко находились среди погребальных

приношений особо важных персон. В той же могильной яме, около середины ее восточной стенки были расчищены костные останки барана (фрагменты черепа, включая челюсти, и ребра). Предположение, что все это могло быть частью приношений погребенным детям, вряд ли имеет под собой основания: как уже отмечалось, дети захоронены на разной глубине, т.е. по-видимому, в разное время. К этому следует добавить, что вблизи этих погребений были расчищены еще несколько несомненных цист-камер, сложенных из сырцовых кирпичей. И большинство их оказалось или пустыми или несли следы явного ограбления: погребальные приношения отсутствовали, а кости были перемешаны (например, погребения № 3133, 3151 и 3156).

Рисунок 20. Общий вид погребения 3200. Вид с юго-запада

Особое место занимает небольшой (к концу осеннего сезона обнаружено 7 погребений) могильник, расположенный на восточном берегу упоминавшегося большого бассейна (схемы южного бассейна и

некрополя см.: ст. В.И. Сарияниди в этом сборнике) По своей конструкции все могилы различаются, но их объединяет одно – они воспроизводят разные виды жилищ, построенных, правда, под землей, по-

видимому, для потусторонней жизни. По своим размерам они намного превышают все другие погребальные конструкции, описанные на некрополе и в руинах дворцов и храмов Северного Гонура. Первой была найдена сложная камера № 3200 (рис. 20, 21). Она обнаружена Т. Ходжаниязовым при прокладке разведочной траншеи с за-

падного на восточный берег бассейна. С полным основанием эта могила может быть названа царской – и по своим размерам, и по устройству, и по найденным случайно оброненным грабителями находкам. Это однако не исключает принадлежность ее семье какого-то знатного аристократа.

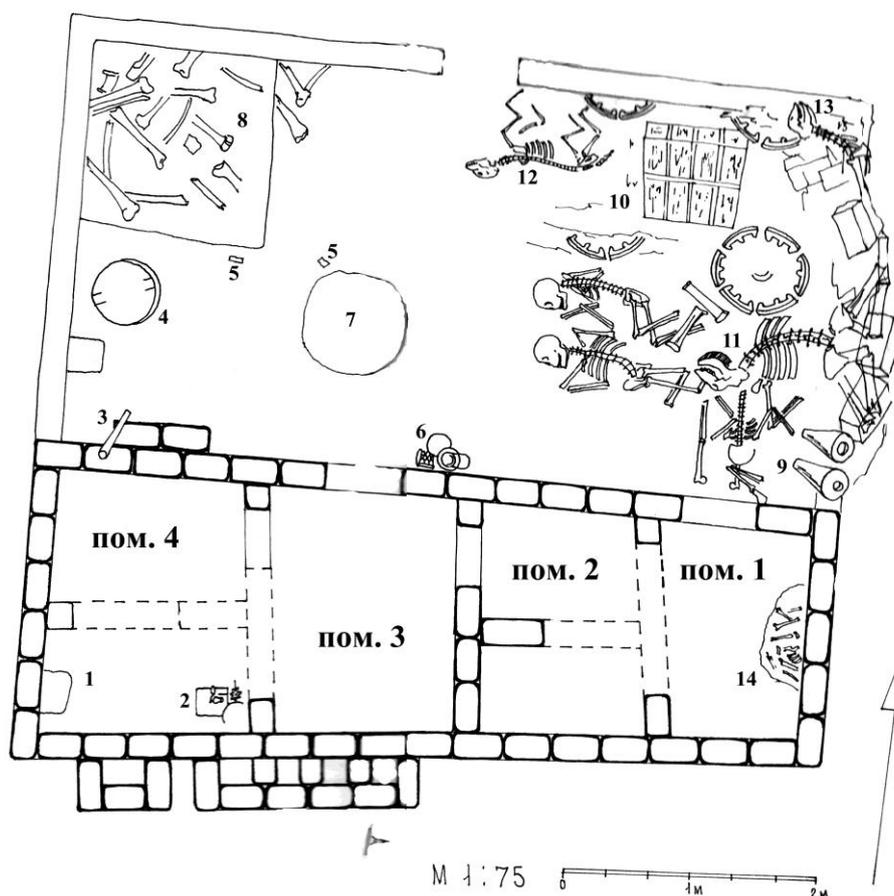

Рисунок 21. Схема гробницы 3200. Условные обозначения. 1 – скопление ценных погребальных приношений; 2 – два фрагмента мозаики с «ковровым» орнаментом, серебряные косметический флакон, косметическая лопаточка, булавка с навершием в виде лежащего теленочка, железная булавка с навершием в виде золотой восьмиконечной звезды, полумесяца, а также стоящего архара из золота и лежащего льва из бирюзы; 3 – каменный посох длиной 2,0 м с концом в виде лошадиного копыта; 4 – каменный диск из мраморизованного известняка; 5 – бронзовые предметы неопределенного назначения; 6 – два бронзовых «светильника» и керамическая ваза на полой ножке с орнаментом; 7 – пятно из краснообожженного песка; 8 – скопление костей взрослого верблюда; 9 – два крупных керамических сосуда с узким дном; 10 – четырехколесная повозка; 11 – скелет лежащего взрослого верблюда в полном анатомическом порядке; 12 – полный скелет собаки в полном анатомическом порядке; 13 – сильно разрушенный скелет молодой лошади; 14 – беспорядочное скопление костных останков четырех человек.

В этом случае для захоронения усопших возле крупнейшего гонурского бассейна был вырыт котлован размером 6,5 х 6,5 м, глубиной 2,5 м от современной дневной поверхности. С южной стороны внутри него из сырцового кирпича был построен макет жилого дома неправильной прямоугольной формы (размеры: по южной стороне 6,4 м, по западной 2,5 м, по северной

6,5 м, а по восточной 2,1 м). Стены этого «дома мертвых» сохранились на высоту 1 м (шесть неполных рядов кирпича). Поскольку обломки и целые кирпичи, лежащие вне стен, обнаружены лишь вдоль восточной стены «двора», можно предполагать, что их высота при строительстве была не намного больше. Сооруженные стены являлись именно облицовкой стен котлована, т.к.

при расчистке обнаружено, что внешняя сторона восточной, южной и западной стен была весьма неровная и не обмазана ни глиной, ни какими-либо другими материалами. Исключение составила лишь северная (фасовая) стена «дома». На всем своем протяжении она была тщательно обмазана раствором, приготовленным из материковой глины попеременно с песком.

Перед фасовой стеной сооружения располагается небольшой «двор» (размером 3 на 6,5 м), восточная, западная и северная стены которого образованы за счет обмазки соответствующих сторон котлована толстым слоем вышеописанной штукатурки. Судя по отсутствию уплотненной массы, которая имела в других частях ограждения «двора», в середине северной стены предположительно располагался широкий проход, через который во двор могла въехать четырехколесная повозка, по всей видимости, запряженная лошадей, скелет которой и был обнаружен в северо-западном углу двора (рис. 21).

С северной же стороны находился «парадный вход» в «дом мертвых» шириной 0,6 м, отмеченный небольшим порогом (высотой в один кирпич, положенный плашмя). Внутри «дома мертвых» было сооружено четыре камеры, которые (за исключением первой) соединяются между собой проходами, что указывает на их функциональную взаимосвязь. Первая из них – самая восточная (1,6 x 1,0 м) – судя по сохранившемуся после разрушения грабителями фрагменту перегородки, имела отдельный вход с севера и не сообщалась с соседним помещением. Как отмечалось, около восточной стены двора обнаружены 3 целых и несколько фрагментов стандартных для этого времени сырцовых кирпичей. Нельзя исключать, что они являлись закладными для входа в основную погребальную камеру (помещение № 1), которая находилась в непосредственной близости. «Парадный вход» в «дом мертвых», вел в небольшую «прихожую» (камера № 3 – 1,8 x 1,45 м). Проходы из нее направо (на запад, камера № 4 – 2,4 x 1,8 м) и налево (на восток, камера № 2 – 1,5 x 1,3 м) вели в две комнаты, которые, судя по найденным мелким осколкам бронзовых предметов и дру-

гим находкам, были хранилищами погребальных приношений.

В стенах как камеры № 3, так, особенно, камеры № 4, были сооружены специальные «тайники» и ниши. Самый крупный «тайник» (1,75 x 0,65 м) находился в южных стенах этих двух помещений. На высоте трех рядов кладки основной стены рядом с ней за пределами камеры был положен еще один продольный ряд кирпичей. Угловые кирпичи следующего ряда лежали перпендикулярно стене, сам ряд шел параллельно основной стене камер. В то же время обычная кладка последней не нарушалась. Таким образом, создавалась полость за пределами камеры, аккуратно обмазанная изнутри глиной. Внутри вертикальными рядами кирпичей она была разделена на три отдельные «отсека». «Тайник» шел до высоты основной стены и сверху был заложен и тщательно обмазан, так что изнутри камеры обнаружить его было непросто. В то же время в момент раскопок он оказался абсолютно пустым, а в южной стенке «тайника», упирившейся некогда в стену котлована, несколько кирпичей было разрушено и сдвинуто с места. Скорее всего, грабители древности именно таким путем, не нарушая внутреннюю стенку камеры, смогли извлечь все содержимое «тайника». Не исключено, что такая «деликатность» грабителей древности может объясняться именно последовательным обрядом погребения. Вполне можно допустить, что в данном месте хранились самые ценные приношения, которые и были похищены в первую очередь таким образом, чтобы при следующем погребении пропажа не была заметна сразу. Во всяком случае, тщательность отделки узких вертикальных отсеков с внутренней стороны и их обмазка сверху свидетельствуют, что в них содержались весьма ценные или важные приношения.

По иному были устроены ниши в южной и северной стенках помещения № 4: они располагались напротив друг друга в северной и южной стенах, тщательно покрыты глиняной обмазкой и образовывали одну плоскость с самими стенами, в которых они и были устроены. Северная ниша находилась почти в середине стены, южная

– сильно сдвинута в западную сторону. В момент обнаружения обе они были пусты, причем северная ниша была тщательно заложена плотной глиной. Назначение и этих ниш в качестве «тайников», куда предусмотрительные родственники могли спрятать наиболее ценные погребальные приношения, представляется наиболее вероятным. С другой стороны, можно предположить, что такие ниши представляли собой макеты деталей интерьеров обычных домов, как это установлено в погребальных камерах некрополя Гонура, а также еще в одной гробнице этого, элитарного некрополя (№ 3235), где были обнаружены подлинны́е посудные шкафы, в которых стопками были установлены целые сервизы.

Осталось заметить, что у всех таких «тайников» тыльные стенки выступают за плоскости смежных помещений, до определенной степени напоминая аналогичные устройства двухкамерных очагов.

В помещении № 2, также как и в № 4, сохранились фрагменты сырцовых стен, отходящих перпендикулярно западным. Учитывая наличие грабительских лазов и разрушений почти всех стен гробницы, можно предполагать, что эти стены делили указанные камеры еще на два небольших сектора. Кроме того, в полу помещения № 2 около восточной стенки расчищено круглое углубление диаметром 0,5 м и глубиной 15 см. Никаких находок в этом углублении сделано не было. Наиболее вероятным представляется, что яма выкопана для хранения каких-то особых погребальных приношений, которые были, по-видимому, унесены грабителями. То, что самые ценные (серебряные и золотые) сосуды помещались в тайники под полом, показывают два таких клада, обнаруженные в двух гробницах (№№ 3220 и 3235) этого элитарного некрополя. Именно в помещении № 2 гробницы 3200 были найдены небольшие разрозненные фрагменты костей баранов и мельчайшие фрагменты бронзовых изделий.

Впечатляющие находки сделаны при расчистке «двора» гробницы. Около восточной границе «двора», ногами к ней лежал полный скелет верблюда. Анатомический порядок костей нарушен не был. Весь об-

лик скелета свидетельствовал, что, как и свойственно гордому животному, верблюд спокойно зашел и лег на отведенное ему место, подогнув под себя задние и передние ноги. На этом же месте он, видимо, был умерщвлен и уронил после этого свою голову налево в сторону погребального «дома». Единственным нарушением нормального анатомического порядка скелета животного было то, что самые нижние кости его передних конечностей лежали в стороне от своих верхних сегментов. Их положение выглядело так, как если бы они были отброшены кем-то и оказались поверх скелета женщины, помещенного рядом.

Рисунок 22. Костные останки верблюда и трех человек во «дворе» гробницы 3200 у входа в камеру № 1. Вид с запада.

Этот человеческий скелет был одним из трех, принадлежавших людям и обнаруженных в непосредственной близости от костей верблюда и входа в погребальную камеру № 1. Все три человека – пожилая женщина и два подростка возраста 14-16 лет – были, скорее всего, убиты еще раньше верблюда. По-видимому, эти три человека приняли смерть не одновременно, а последовательно. Об этом свидетельствует расположение костей одного скелета частично над другим и не вполне спокойная поза умерших, особенно подростка, лежавшего у самой стены «дома мертвых». Никаких повреждений черепов или длинных костей какими-либо орудиями ни на одном из скелетов зафиксировано не было. Лишь голова верблюда упала на все эти три тела, из-за своего немалого веса, раздавив частично кости людей (рис. 22).

Скелет №1 (пожилая женщина старше 60 лет) лежал в скорченном положении головой на запад. Туловище положено лопатками кверху, но кисти рук находились перед лицом, ноги были согнуты в коленях, спина - прямая. Под подбородком женщины лежала бронзовая гвоздеобразная булава, которой, по-видимому, была заколота одежда, а около правого плеча обнаружена простенькая бронзовая печать с крестообразным орнаментом. Женщина была больна остеохондрозом, а также мочекаменной болезнью (в области таза найден рыхлый камень яйцевидной формы размером 5 на 3 см).

Скелет № 2 (девушка) находился рядом с первым, ближе к северной стенке камеры № 2, также головой на запад. Череп лежал на правом боку; тело – лопатками кверху, обе руки были согнуты в локтях, кисти – перед лицом. Но колени развернуты по отношению к туловищу вбок - так, как если бы тело помещено на левый бок. Трудно предположить, чтобы умершая девушка была специально уложена столь неестественно. Скорее всего, перед самой смертью она стояла на коленях. Когда же она была умерщвлена (наиболее вероятно удушена), ноги с места не сдвигались, а верхняя часть тела была повернута так, чтобы придать ему более традиционное положение – голова на правый бок и с согнутыми руками. Кости правой конечности и частично грудной клетки перекрывали первый скелет.

В самой неестественной позе лежал скелет № 3 (юноша). Он располагался около стоп двух описанных скелетов головой на юг. Левая нога согнута в колене, правая - вытянута на север и находилась под шеей верблюда. Обе руки были также согнуты, левая кисть лежала в верхней трети левой голени, правый локоть – в области поясницы, а кисть – на правом бедре. Корпус лежал, как и у двух других умерших, вверх лопатками таким образом, что голова оказалась рядом с левым коленом. Несмотря на то, что кости черепа раздавлены, на затылочной кости отчетливо прослеживаются следы теменно-затылочной деформации.³

³ Этому типу деформации и ее встречаемости на Гонур-депе посвящены специальные работы (Дубова, 2004, 2004а).

По-видимому, юноша принял смерть, стоя на коленях, и самым последним из трех. Но его тело по какой-то причине не стали укладывать в один ряд с двумя предыдущими. Только голова лежала не ничком, а была уложена на правый бок.

В северо-западном углу «двора» на высоте 1,0 м от пола зафиксировано большое скопление костей крупного животного, лежащих в беспорядке. Кости черепа найдены не были. По определению опытного ветеринарного врача, останки принадлежали верблюду преклонного возраста. Как первоначально лежал скелет, определить по обнаруженному скоплению невозможно.

Сразу перед колесницей, практически перед ее передними колесами и слева от входа во «двор» лежала собака, крупный скелет которой (на левом боку и головой на юго-восток) обнаружен в полной сохранности. Учитывая положение скелета животного, вполне обоснованно считать, что оно было умерщвлено в ритуальных целях, не исключено, что со своим хозяином. Как известно, собака у древних иранцев занимала особое место в похоронных обрядах, называемых с а г д и д , и без нее не обходилось ни одно погребение у языческих иранцев.

В центре двора обнаружен толстый (до 30 см) слой обожженного песка, в центре которого найдены угольки и обгоревшие мелкие кости животных. Огонь, видимо, горел здесь достаточно долго, т.к. песок в окружности до 0,7 м диаметром имел красный цвет.

Рисунок 23. Нижний конец сланцевого посоха из погр. 3200

У западной стены «двора», прислоненный к северной стене помещения № 4 «дома мертвых», в момент раскопок стоял огромный серый сланцевый посох длиной 2 м, толстый конец которого имел выемку, что придавало ему форму копыта (рис. 23). В центре двора, в непосредственной близости от упомянутого выше красного пятна

на песке были найдены два фрагмента еще одного сланцевого посоха зеленоватого цвета. За пределами погребальной камеры ближе к ее юго-восточному углу, почти у современной дневной поверхности был найден осколок третьего посоха толщиной 5 см. Подобного типа «посохи» (но много меньших размеров), один конец которых заканчивается копытом, уже неоднократно были отмечены ранее не только в Маргиане, но и в Бактрии (Pottier, 1984).

Рисунок 24. Керамический сосуд и бронзовые светильники у входа в «дом мертвых» гробницы 3200.

В 1,5 м на север от единственного найденного целым посоха на полу лежал диск из мраморизованного известняка. Между ними, на высоте 30 см от пола, находились крупные осколки круглого большого керамического сосуда с грубым красным «пальчиковым» орнаментом, а также обломок высокой ножки от белого алебастрового кубка.

Около северо-восточного угла «дома» к стене «двора» были прислонены 2 высоких керамических сосуда. Именно рядом с ними находилось три сырцовых кирпича, которые, как отмечалось, могли быть частью закладки входа в помещение № 1. В соседнем погребении № 3210 было обнаружено почти 30 таких сосудов, предназначенных предположительно для хранения вина.

За пределами погребального сооружения, почти около юго-восточного его угла, выше уровня стен на 0,5 метра были обнаружены 1 расколота на две части крупная миниатюрная колонка и 1 фрагмент от второй из мраморизованного известняка. Нет никакого сомнения в том, что обе колонки принадлежат данному погребению.

Они были или выкинуты грабителями или потеряны ими во время одного из ограблений могилы.

Слева от главного входа в «дом мертвых» находились два крупных полых бронзовых предмета с длинными бронзовыми же ручками (рис. 24, 25). Один из них имеет форму усеченного конуса с небольшой плоской тарелкой на вершине. Тулово конуса - широкое и гладкое. Второй предмет своей формой напоминает, скорее, миниатюрную колонку. Тулово его ажурное, сделанное из толстой бронзы. Хотя точное назначение этих изделий пока не совсем ясно, не исключено использование их в качестве светильников, когда на плоскую верхнюю поверхность наливался жир или клались угли. Точно такой же ажурный предмет, только несколько более низкий, был встречен в Пакистане в г. Кветта. Он происходит из разрушенной могилы знатного лица («кветтский клад»)⁴ (Garrige, Hassan, Usman, 1989. P. 150-166) (рис. 25). Рядом находился керамический кубковидный сосуд с грубым пальчиковым орнаментом, сделанным красной краской.

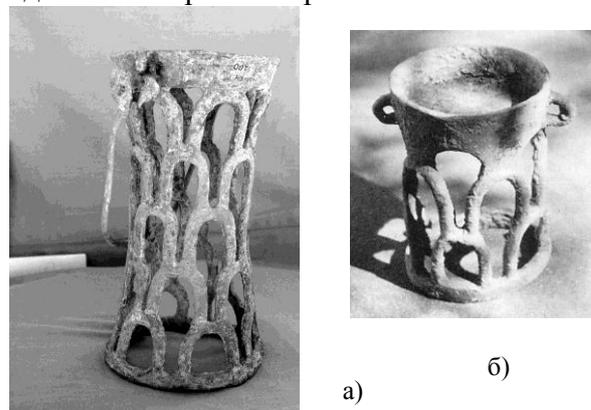

Рисунок 25. Бронзовые светильники с ажурным телом : а) из погр. 3200; б) из Кветты

В заполнении всех помещений, кроме камеры № 1, начиная с глубины 1,20-1,30 м от современной дневной поверхности, было найдено огромное количество белых мозаичных гипсовых и каменных вставок разнообразных форм. На западной стене помещения № 4 чуть ниже грабительского лаза обнаружен небольшой фрагмент мозаики на своем месте (рис. 26). Скорее все-

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить А.-П. Франкфорта за помощь в поисках данной иллюстрации.

го, стены всех комнат «дома мертвых», кроме первой, куда помещались останки покойника, были искусно украшены мозаичными панно.

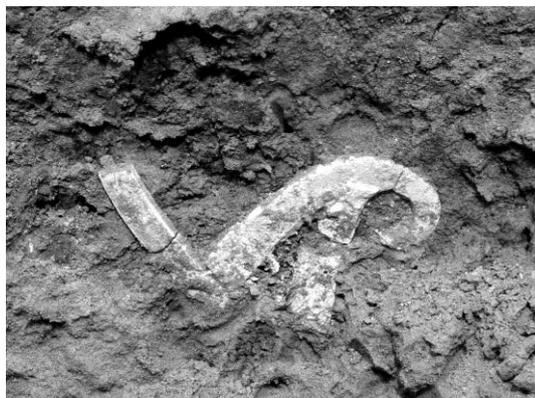

Рисунок 26. Фрагмент гипсовой мозаики на стене камеры №4 гробницы 3200

Об их былой красоте свидетельствуют найденные здесь крупные мозаичные вставки, изображающие голову кабана, фантастическую птицу-змею, рыбу, фрагменты геометрического и растительного цветного (красного, белого и черного) орнамента.

Хотя мозаичные вставки, образующие рисунки, до определенной степени напоминающие как геометрические орнаменты расписной керамики эпохи ранней и средней бронзы Туркменистана (Намазга IV-V), так и узоры туркменских ковров, встречены практически во всех камерах, решительное большинство их было обнаружено в четвертой камере, чьи стены они, скорее всего, и украшали с самого начала.

Фигурные вставки найдены во всех камерах и на разной высоте, но преимущественно опять же в четвертой камере. В таком случае не исключено, что четвертая камера изначально была предназначена для помещения в нее погребального инвентаря. Поэтому можно условно обозначить ее как «камера погребальных приношений». Не исключено, что по мере захоронения новых покойников в «дом мертвых» предшествующие не только убирались со своего первоначального места, но вместе с ними в «камеру погребальных приношений» приносилось и принадлежавшее им могильное имущество. Дополнительным доказательством тому служит такой факт: все в той же камере № 4 на полу был встречен упавший со стены фрагмент стеной мозаики на ко-

тором располагались т.н. косметическая лопаточка, а самое главное – косметический флакон (рис. 27). Он не лежал на боку, а находился в правильном вертикальном положении. Очевидно так он мог быть поставлен только уже после того как стеновая мозаика отвалилась от своего места, скорее всего, в момент захоронения очередного покойника. Следует заметить, что в тех случаях, когда это можно установить, в камерных гробницах некрополя Гонура была зафиксирована именно такая практика: при очередном погребении предшествующий скелет убирался со своего места вместе с принадлежащими ему погребальными приношениями.

Рисунок 27. Расчистка камеры № 4 в гробнице 3200.

Великолепные подтверждения того факта, что все камеры для погребальных приношений были украшены разнообразными мозаичными сюжетами, получены при раскопках других гробниц данного элитарного некрополя.

Необходимо подчеркнуть, что разнообразные мозаичные вставки, хотя и в небольшом количестве, были встречены и во «дворе» погр. № 3200, но их расположение в заполнении могилы на высоте не менее одного метра, скорее всего, может указывать на их вторичное происхождение. Иначе говоря, они могли попасть сюда во «двор» во время ограбления могил, которые производились неоднократно и в большой спешке. Как бы то ни было, именно во «дворе», под скоплением костей старого верблюда была найдена гипсовая пла-

стина в форме кабаньей(?) головы с нанесенной на нее дополнительной росписью, подчеркивающей характерные детали этого животного (рис. 28).

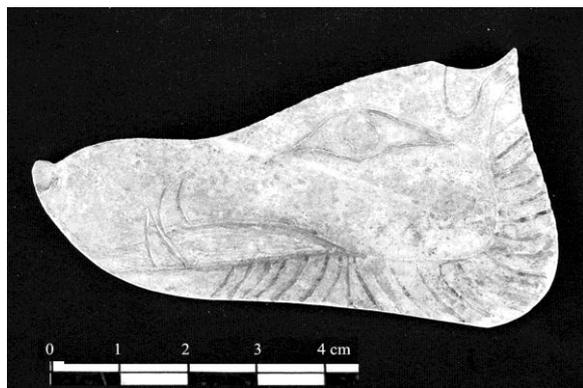

Рисунок 28. Гипсовая мозаичная вставка в виде головы кабана.

Наконец, следует указать, что в «вестибюле» (пом. 3) на стене тоже сохранилась прикрепленная к ней фигурная вставка, указывая тем самым, что, по крайней мере, две из четырех камер бесспорно были украшены мозаичными стенными панно.

Грабители, проникшие тысячелетия назад в гробницу, по-видимому, спешили, поэтому, археологам удалось обнаружить несколько прекрасных образцов ювелирного искусства древних мастеров. В помещении № 4 на полу найдены квадратная и круглая пластины, представляющие собой или крышки футляров, некогда, видимо, заключавших сокровища, или фрагменты облицовки стен камеры.

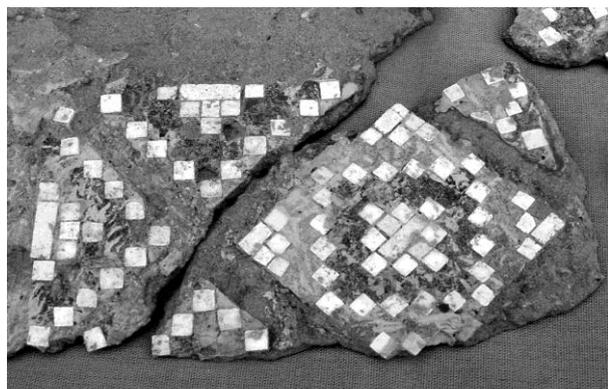

Рисунок 29. Фрагмент мозаичного панно из погр. 3200.

Оба фрагмента представляют собой мозаичное панно из белых каменных квадратиков, образующих геометрически правильные узоры (рис. 29). С тем, чтобы не

раскрашивать каменные вставки в разные цвета, необходимые пространства фона между белыми крестами и квадратами были заполнены черной и красной краской, сделавшей рисунок полихромным. Получившиеся геометрические картины во многом напоминают гели туркменских ковров. Примечательно, что точно такие же мозаичные панно были обнаружены в гробнице № 3230, где они украшали стенки и пол так называемых дарохранилищ.

Рядом с этими артефактами лежали уже упоминавшиеся серебряные косметическая лопаточка и булавка с навершием в виде спокойно лежащего миниатюрного теленка (см. рис. 27). Также в этом же углу комнаты была найдена большая булавка, стержень которой был сделан из железа.

Рисунок 30. Миниатюрные фигурки архара и льва из погр. 3200.

Навершие булавок образовывала розетка из пасты синего цвета с бирюзовыми лепестками, к которым был прикреплен большой полумесяц и восьмиконечная звезда, сделанные из золота. Среди лепестков стояли микроскопические фигурки горного козла и льва, созданные древними мастерами с поразительным искусством (рис. 30). Золотой козлик размером всего 1 см стоит, гордо подняв голову, увенчанную искусно прорисованными бугристыми рогами. Можно проследить мышцы на ногах, маленький хвостик, даже глаза и уши животного. Еще большее восхищение вызывает 7-миллиметровая фигурка льва, сделанная из бирюзы. Лев лежит, приготовившись к прыжку, его хвост с кисточкой прижат к телу, уши настороженно подняты, рот хищно раскрыт, а лапы вцепляются в зем-

лю. Подобных миниатюрных изображений в эпоху бронзы не было известно не только в Маргиане, но и в других центрах древневосточной цивилизации. Трудно себе представить, как мастера, жившие около 3 тысяч лет назад, не имея не только увеличительных стекол, но даже специальных тисков, могли, используя лишь бронзовые примитивнейшие ножички и шильца (например, найденные в погребении камнереза на некрополе Гонура), изготовить столь прекрасные предметы.

Не меньшего внимания заслуживает и стержень этой булавки. Это – первый образец железа, найденный в стратифицированных слоях Гонур-депе. Поскольку он использован для крепления столь искусных и ценных вещей, в том числе изготовленных из золота, можно предполагать, что это было метеоритное железо. Окончательный ответ даст только химический анализ.

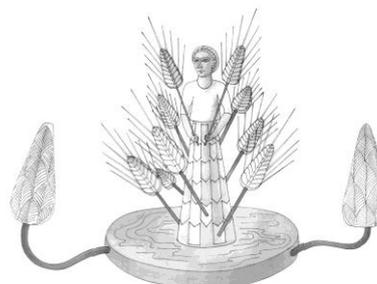
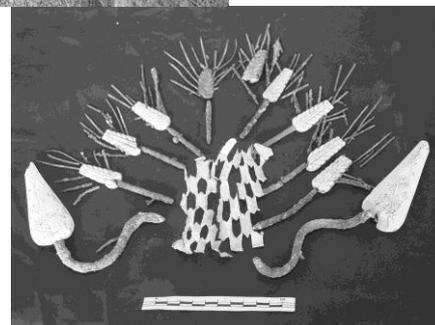
О богатстве погребальных приношений, положенных в «дом мертвых», говорят и другие находки. Рядом с описанной железной булавкой найдена небольшая подвеска из агатовых бусин, заключенных в золотые обоймы, окаймленные небольшими сердоликовыми и золотыми бусинами. В другом углу того же западного помещения удалось найти еще одно изделие древних ювелиров. Это – ажурная золотая усеченная пирамида, закрепленная, видимо, на деревянной основе и, скорее всего, воспроизводящая одежду аристократов того времени (рис. 31). По фрагментам золотой фольги (также, видимо, когда-то натянутой на деревянную основу), обнаруженной на вершине этой пирамиды, становится ясно, что ее венчала золотая голова человека с большими глазами и подчеркнута большими ушами. Найдена и рука, сделанная из фольги того же металла.

Из ажурного тела этого фантастического человека произрастают шесть белых колосьев пшеницы, которые закреплены в дереве на бронзовых стержнях. В мелкие отверстия по бокам и на вершине гипсовых колосьев вставлены бронзовые тончайшие ости, что окончательно утверждает зрителя в том, что это колосья именно злака.

а)

б)

в)

Рисунок 31. Фигурка «Богини растительности» из погр. 3200. а – процесс расчистки; б – обнаруженные и реставрированные составные части; в – вариант реконструкции работы А. Ниязмхаммедовой.

Кроме гипсовых колосьев, из ажурного одеяния произрастают два колоса из тонкого листового золота, ости которых сделаны из серебра. По-видимому, из самого основания фигурки на извивающихся толстых бронзовых стержнях, символизирующих стебли, «растут» два также гипсовых крупных растения (плода?), которые украшает орнамент, сходный с типичным для наряда *каунакес*. Изображения таких же растений встречались неоднократно. Например, в одном богатом неограбленном шахтном погребении пожилой женщины (50-60 лет) на некрополе Гонура (№ 2790) был обнаружен такой же фрагмент, только значительно меньшего размера. Тогда он был воспринят как обломок гипсовой статуэтки с орнаментом. Являлся ли этот фрагмент частью разрушившейся статуэтки, был ли он специально отломан и положен отдельно в качестве погребального приноше-

ния или чем-то иным – остается пока только гадать. Вместе с ним в погр. 2790 были найдены 2 серебряные булавки (одна с навершием в виде полумесяца и 8-конечной звезды, вторая – с маскаронном), ажурная серебряная печать с изображением скорпиона, 2 серебряные серьги, типичный для женских погребений бронзовый набор (зеркало, косметический флакон, аппликатор и лопаточка), а также 12 керамических сосудов и 30 бусин, в том числе из лазурита.

Два подобных небольших гипсовых «плода» обнаружено в гробнице 3230. Наиболее интересно изображение трех таких растений на маленьком серебряном сосуде с рельефным орнаментом из клада в погребении № 3235. До одного из них (еще не раскрывшегося) дотрагивается передним копытцем горный козел. От другого, расположенного, правда, в нижележащем регистре, влево отходит, по-видимому, медведь, а вправо – убегает вслед за зайцем волк. Третье растение уже распускается. Оно склонилось в сторону оскалившегося льва, стоящего справа. Слева находится, правда, выделенный отдельной линией, свирепый бык, слегка присевший на задние ноги.

К сожалению, пока остается неясным вопрос о том, плод, бутон или цветок какого растения изображают найденные артефакты. Они – почти треугольной формы, но с закругленными углами.

Вся композиция, состоящая из ажурного конуса с колосьями и описанными фрагментами вместе с другими находками, о которых будет сказано чуть ниже, была, по-видимому, случайно обронена грабителями и сильно повреждена. Поэтому не все детали золотого обрамления из фольги без реставрации поддаются объяснению. Однако, учитывая находку в одном из помещений Храма Жертвоприношений на западе от гонурского кремля цилиндрической стеатитовой печати с изображением сидящей богини и стоящими перед ней богинями растительности (см. ст. В.И. Сарияниди в этом сб., рис. 15), можно предположить, что эта фигура также является изображением богини растительности, земледелия или пшеницы – одной из первых ставших нам известной из пантеона древних маргушцев.

Одна из возможных ее реконструкций приведена на рисунке 31в.

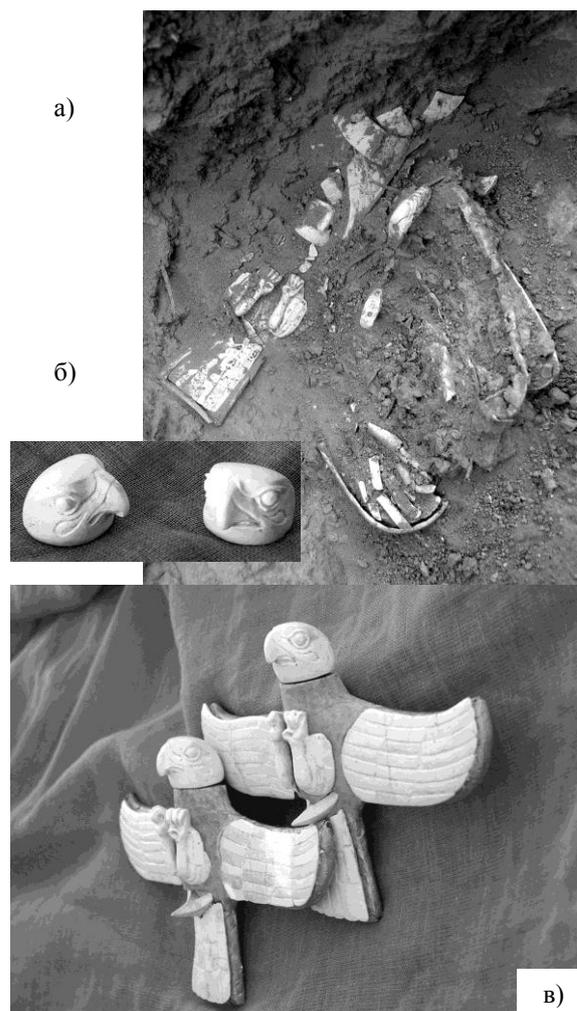

Рисунок 32. Фигурки орлов (соколов?) из погр. 3200. а) – в процессе расчистки; б) – головы птиц; в) – вариант реконструкции раб. Н. Чудновской

Не менее знаменательно, что колосья сделаны из белого гипса. Это может быть свидетельством того, что название одного из выдающихся сортов пшеницы – Ак буддой – уже существовало в то время. Поклонение и обожествление пшеницы древними маргушцами вполне объяснимо, т.к. именно она была основой жизни и благополучия земледельческого общества.

В том же скоплении бесценных вещей находились и две наборные фигурки орлов (соколов?) (рис. 32). Головы птиц выполнены в реалистической манере. Крылья расставлены широко в стороны, лапы прижаты к телу, а когти крепко сжаты. Все фаянсовые и гипсовые детали крепились, видимо, как и описанная выше фигура на деревянной основе. Для создания впечатления ре-

ального оперения, крылья и хвосты орлов набраны из тонких фаянсовых (гипсовых?) пластинок, по бокам они были оторочены тонкой золотой фольгой, имеющей волнистый рельеф. Характерно, что при снятии костей лошади, около задней части повозки, стоявшей во «дворе» гробницы (см. далее), был обнаружен фрагмент еще одного такого же крыла. Никаких отверстий для крепления к нитям или к основе ни на крыльях, ни на других частях фигур не отмечено. Возможно, они находились на несохранившихся деревянных частях.

Кроме изображений орлов и пшеницы, в этом скоплении находились фаянсовые (гипсовые?), раскрашенные в черный и красный цвет изображения змей. Фаянсовые панцири крепились на дереве. По краям были размещены тонкие волнистые золотые каемки, которые заканчивались на вершине изображением двух змеиных голов из фольги.

Несколько выше (начиная с высоты 20 см от пола), прямо на стене этого же помещения найдено большое ожерелье из золотых (более 500), сердоликовых и лазуритовых бусин (более 200 каждого типа; всего более 900 штук). Бусины были нанизаны на нити, протянутые через золотые пластинки-разделители, большая часть которых была одной длины (рис. 33). Отдельные бусины встречались между всеми перечисленными находками. По этой же причине нельзя с точностью говорить о форме этого ожерелья. Располагалось ли оно узкой полосой вокруг шеи, заходя на плечи, одевалось ли на шею вертикально (наибольшее число сквозных отверстий в пластинках – 14, длина пластин – 0,7 см, ширина – 0,5 см) или опускалось от шеи вертикально к поясу, было ли прямоугольным или веерообразным – определить, к сожалению, невозможно. Последняя форма (веерообразная) представляется, впрочем, наиболее вероятной, т.к. разделительные пластины в прямоугольном ожерелье не дают возможности украшению плавно лежать вокруг шеи и, кроме того, своими острыми краями могут доставлять значительное неудобство одевшему его человеку.

Рисунок 33. Ожерелье из погр. 3200.

В других помещениях «дома мертвых» и двора подобные предметы не найдены. Учитывая, что практически во всех стенах «дома мертвых», как фасадных, так и боковых (кроме восточной), проделаны грабительские лазы, можно предполагать, что искатели легкой наживы не один раз посещали это погребение. Так что все, что удалось найти во время археологических раскопок – лишь маленькая частичка того богатства, которое было положено в камеру в виде погребальных приношений.

Наиболее трудно объяснимый факт во всей камере – отсутствие полного скелета (или скелетов) в погребении, кроме описанных трех убитых, скорее всего, слуг. Человеческие останки не были найдены ни в одной из камер гробницы, кроме помещения №1, куда предположительно и помещался покойник. Здесь обнаружено незначительное число разрозненных костей скелета, исключая черепа. По состоянию и морфологическим особенностям костей можно говорить, что там присутствуют останки четырех индивидов – мужчины среднего возраста (40-50 лет), пожилой (старше 60) и молодой (15-16 лет) женщин и подростка. Причем обращает на себя внимание разная степень фрагментированности костей. Например, кости ног молодой женщины (скелет № 4) оказались во дворе прямо при входе в первое помещение лежащими в выпрямленном состоянии.

Рисунок 34. Срастание шейных позвонков на скелете № 5 из погребения 3200

Вышеописанный третий скелет убитого юноши перекрывал эти кости целиком. Наименее объяснимо то, что как правая, так и левая нога, лежали в точном соответствии с их анатомическим положением, хотя тазовые и крестцовые кости отсутствовали. Остается только предположить, что это произошло случайно, когда одна из групп грабителей посетила этот мавзолей. Останки молодой женщины, помещенные прежде в камеру, уже в достаточной степени разложились, что позволило пришельцам отодвинуть (вряд ли отбросить, так как они лежали вполне аккуратно) мешающие им части тела. Найденные в том же первом помещении в скоплении в середине восточной стенки кости таза, крестец, поясничные позвонки и фрагменты остальных костей были перемешаны с останками других погребенных.

Надо отметить, что все кости были найдены в разных местах, лежали далеко не в анатомическом (даже для фрагмента позвоночника) порядке. Это можно было сделать только в том случае, когда тело уже совсем разложилось, и каждый позвонок легко отделялся от других.

Из костей скелета пожилой женщины (скелет № 5) сохранился весь позвоночный столб, поясничный и шейный отделы которого несут следы тяжелейшего остеохондроза: на телах и даже дугах позвонков — большие костные наросты, а четвертый и пятый шейные позвонки полностью срослись между собой, что, конечно же, вызывало сильные боли у женщины при жизни (рис. 34). Кроме того, слева у входа, рядом с упомянутыми ногами четвертого индивида, был обнаружен полный таз и не извлеченное из вертлужной впадины правое бедро этой же пожилой женщины. Второе ее бедро вместе с голенью лежали «в сложенном виде» (т.е. при согнутом коленном суставе, когда кости голени лежат параллельно бедру) рядом.

Отнесение всех останков (и этих, и найденных внутри первой камеры) одному индивиду было проведено в соответствии с состоянием костей, общей их морфологией и по возрастному определению. Так же, как и в случае с четвертым захороненным, таз и кости ног этой женщины могли быть выброшены из камеры наружу только при условии их частичного разложения. В то же время, позвонки, рукоятка грудины и фрагмент правой локтевой кости, обнаруженные в основном скоплении костей внутри камеры, были перемешаны с другими останками, что возможно только в случае, когда мягкие ткани разложились полностью.

Кроме перечисленного, в той же первой камере найдены ключицы немолодого человека, скорее всего его же нижняя челюсть и фрагменты костей правого предплечья (скелет № 7), а также правая повздошная (фрагмент тазовой) кость подростка (скелет № 6). Правая ключица была сломана, фрагменты ее смещены, но еще при жизни индивида перелом полностью сросся. По толщине, выраженности рельефа, возрастным особенностям эти кости свидетельствуют, что они не могут принадлежать вышеперечисленным женским скелетам.

Таким образом, изучение костных останков, обнаруженных в первой камере «царской гробницы», говорит о том, что захоронения совершались неодновременно. В одну и ту же камеру последовательно помещались останки людей, умерших в разное время. Как было показано выше, по видимому, мавзолей имел вход, который родственники погребенных могли при необходимости открыть и поместить в «дом мертвых» другого покойника. Скорее всего, как и в дахме, зафиксированной в одном из помещений гонурского дворца, кости похороненных прежде сдвигались в сторону. Разная степень фрагментированности костяков, так же как и большое число проломов в стенах камер, свидетельствуют и о том, что ограбление мавзолея могло совершаться не один раз.

Возможное предположение о том, что человеческие скелеты, найденные целыми у входа в камеру рядом с останками животных, могут также быть останками знатных особ, которые грабители выкинули наружу,

не может быть принято, так как принадлежность к знати предполагала богатство погребальных приношений. А при них не было ничего. Только у женщины, лежавшей, как было сказано, около самой морды верблюда, одежда была заколота простейшей бронзовой булавкой очень плохого качества и без каких-либо украшений, а возле ее правого плеча лежала столь же простая

бронзовая печать с крестообразным орнаментом. Учитывая, что такие печати ставились в качестве оберегов на сосуды, возможно, мешки с зерном, вполне логично предполагать, что эта женщина должна была, как и при жизни, ведать хозяйством захороненных в камере аристократов.

Рисунок 35. Четырехколесная повозка гробницы 3200 в процессе расчистки.

Данная гробница принесла и еще одну впечатляющую находку. В самом северо-восточном углу ее «двора» найдена повозка, все четыре колеса которой сохранились, так же, как и деревянное «сиденье» (или дно кузова?) (рис. 35). Одна пара колес поставлена вплотную к северной стенке «двора». Они и сохранились лучше второй – когда-то свободно стоявшей пары. Судя по тому, что один конец «сиденья» упирается в восточную стенку «двора», а второй – находится в нескольких метрах от входа во «двор», можно полагать, что передом повозки является именно последний.

Сиденье сделано из досок (0,2 x 0,9 м при толщине 0,20-0,25 см), положенных плашмя параллельно колесам (рис. 36). От четырех досок (общая их ширина – 0,8 м) сохранились следы дерева толщиной около 0,1 см. Но они прослеживаются достаточно хорошо, учитывая их возраст. Для крепления досок «сиденья» между собой были использованы деревянные, узкие планки шириной 5 см, закрепленные перпендикулярно доскам

на расстоянии 40 см одна о другой. Их обнаружено две. Первая находится на расстоянии 25 см от предположительно передней части сиденья. Скорее всего, они были врезаны в массив основных досок, т.к. края планок не возвышаются над плоскостью «сиденья». Расстояние между осями передней и задней пары колес – 1,1 м.

Сиденье повозки находится не в середине между колесами, а сдвинуто ближе к задней оси. Причем, можно уверенно утверждать, что это не связано с разрушением части «сиденья», т.к. при достаточно хорошей сохранности досок, около передней оси не было встречено ни малейшего фрагмента дерева. Сиденье начинается сразу за предположительно передними колесами, а заканчивается за 20 см от конца задних. Оно находится на расстоянии 25 см от плоскости северных колес. При разрушении повозки и падении южных колес, скорее всего, в результате гниения дерева, южная часть сиденья опустилась до высоты 35 см над полом «двора». Северный же его

край оказался на высоте 60 см. Исходя из всего сказанного, можно представить себе, что «сиденье» возвышалось над осями и было значительно уже, чем ширина всей повозки.

Рисунок 36. Общий вид погр. 3225

Поскольку никаких следов дерева или бронзы, кроме описанных, вблизи повозки обнаружено не было, длина оси повозки может быть реконструирована на основе ширины «сиденья» (80 см), расстояния «сиденья» от плоскости стоящих колес (25 см) и предположительной толщины колеса и втулок (см. далее) как варьирующая от 150 до 160 см. Мы не имеем фактических данных, позволяющих нам описать расположение базы (рамы?), на которой крепились «сиденье» и которая сама каким-то способом скреплялась с осями.

Все четыре колеса имеют одинаковый диаметр (0,7 м; соответственно их окружность равна 2,2 м) и сделаны как цельнодеревянные. Технику изготовления основного массива колес удалось установить по находкам в погр. 3225 и 3240. Воздержусь здесь даже от краткой характеристики этих двух гробниц, уделив основное внимание именно колесам.

В погр. 3225 найдены четыре колеса очень хорошей сохранности (рис. 36). Все они имеют диаметр 0,9 м и, также как и найденные в погр. 3200, сделаны из дерева, о чем свидетельствуют его остатки, сохранившиеся под ободьями.

Рисунок 37. Колесо и его втулка из погр. 3225

Деревянные диски получены путем соединения трех деревянных плах толщиной в центре не менее 10 см и сужающихся до 5 см к краям. Две крайние плахи имеют форму секторов, а центральная – прямоугольная с двумя слегка закругленными краями. Плахи соединены между собой заподлицо (рис. 37). Кроме того, прослеживаются две тонкие (шириной 5 см) крепежные рейки, размещенные поперек всех трех плах. Об их малой толщине свидетельствует тот факт, что их глиняные остовы возвышаются над сохранившейся поверхностью колеса на высоту около 5 см. Это может также говорить и о том, что они были врезаны в массив плах, с целью достижения большей жесткости.

На колесах из погр. 3200 в центре не найдено ни малейшего фрагмента бронзы или какого-либо другого металла, которые могли бы говорить о способе крепления оси. Это свидетельствует в пользу того, что ступица была деревянной. То же показывают и колеса из погр. 3225. На первом, втором и частично на третьем колесах сохранились остовы ступицы из глины. Они – круглые, причем глиняный остов ступицы первого колеса сохранил ход волокон дерева по окружности, что позволяет уверенно говорить, о том, что она была выточена (вырублена?) из куска ствола. С одного бо-

ка этой втулки имеется небольшой выступ (шириной 4,5 и длиной 3 см), крепящий ее в массиве продольных волокон средней плахи. С другой стороны втулки такой выступ не обнаружен, но можно предполагать, что он просто не сохранился, т.к. крепление деревянного цилиндра в доске с помощью только одного шипа вряд ли было достаточно прочным.

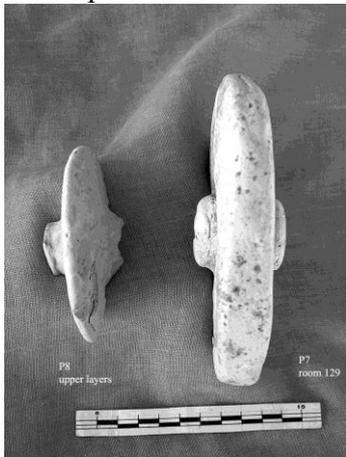

Рисунок 38. Модели колес из раскопа 8, верхние слои (слева) и раскопа 7, пом. 129 (справа)

Втулка имеет уступ. Наружный ее диаметр – 22 см, внутренний – 17 см. Диаметр отверстия для оси – 7 см. Поскольку втулка лучше всего сохранилась на первом колесе, нельзя быть абсолютно уверенным, что она была двусторонней.

Но тот факт, что имеется небольшой выступ на месте, где находилась втулка колеса, лежащего, скорее всего, внутренней стороной вверх, свидетельствует в пользу именно такого вывода. Косвенным подтверждением наличия на колесах двусторонней втулки являются две глиняные модели колес, обнаруженные в помещениях храмов Северного Гонура (рис. 38).

Технику скрепления плах между собой проясняют найденные фрагменты дерева от основного массива колес, аналогичных описанным, из погр. 3240 (рис. 39). Средняя плаха колеса вставлялась в пазы боковых. Как было отмечено, между собой плахи скреплялись узкими планками шириной 5 см.

Снаружи колеса, найденные в погр. 3200 и 3225, были обиты бронзовыми ободьями (шинами), состоявшими из шести бронзовых дуг с ушками для крепления

бронзовыми заклепками к деревянной основе (рис. 40).

Следы таких же шин имеются и на фрагментах дерева из погр. 3240.⁵ Характерно, что ширина шин колес не зависела от их диаметра: и в погр. 3200, и в 3225 она составляла 3 см.

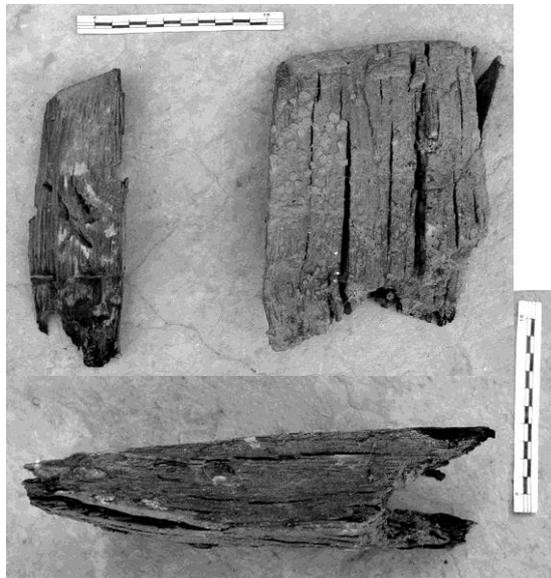

Рисунок 39. Фрагменты дерева от колес из погр. 3240: наверху – общий вид; снизу – вид сбоку большого фрагмента

Общая высота обода с ушком в погр. 3200 – 5 см; в 3225 – 11 см, а в 3240 – на одном фрагменте – 10, а на другом – 10,8 см. Длина самого ушка: 3,5 см; 9 см, 8,7 и 9 см соответственно. Ширина ушка: 3, 5 и 6 см. Каждый из шести фрагментов обода имел три ушка. На своих местах сохранилось и большинство бронзовых заклепок. Длина заклепок со шляпками в 3200 – 8 см; а в 3225 – 7,5 см. Толщина стержня на всех колесах – около 1 см, наибольший диаметр шляпки – 1,8 см.

Рисунок 40. Два звена от бронзовой «шины» повозки из погр. 3200.

⁵ Попутно заметим, что диаметр колеса, от которого происходят фрагменты из погр. 3240 по нашим расчетам был приблизительно равен 0,8 м.

В гробнице 3200 лучше всего сохранились переднее и заднее северные колеса. При погребении они были прислонены к северной же стене «двора», поэтому даже при разрушении осей и других, по-видимому, деревянных и кожаных крепежных элементов повозки, они остались стоять почти в первоначальном положении.

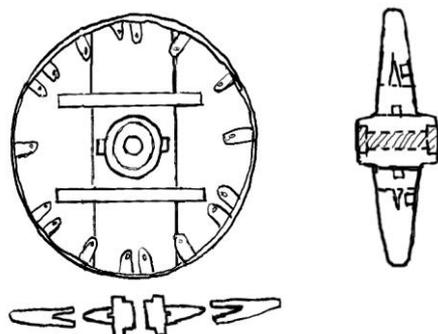

Рисунок 41. Схема колес, реконструируемая по данным погребения 3200, 3225, 3240.

Южное заднее колесо упало плашмя и поэтому сохранилось тоже достаточно хо-

рошо. Именно на нем деревянная плоскость колеса дошла до нас в наиболее полном виде. Четвертое колесо, падая в результате разрушения крепежа (или повреждения грабителями?), разломилось на несколько частей. И, если на трех других колесах бронза на ободьях имеет толщину, по-видимому, близкую к первоначальной (около 0,5 см, что подтверждается значительно лучше сохранившимся колесами из погр. № 3225), то на этом – она крайне тонкая, представлена мелкими фрагментами. Даже места крепления с заклепками просматриваются с трудом.

Таким образом, колеса могут быть реконструированы следующим образом, представленным на рис. 41. Общая же схема повозки, обнаруженной в гробнице 3200, представлена на рис. 42. Возможное расположение осей показано пунктиром.

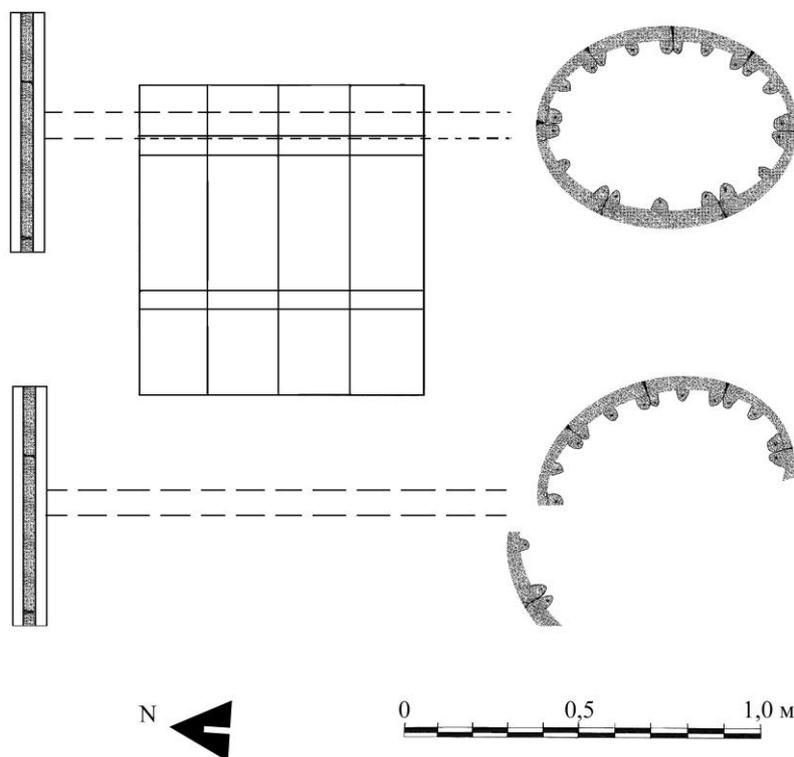

Рисунок 42. Схема повозки из гробницы 3200.

Близкие по типу колеса (если не идентичные) существовали в Бактрии, на что указывают сходные бронзовые ободья, встреченные в разграбленных могилах (Potier, 1984, p. 226: Pl. XLIV, № 326), а также

при раскопках ападаны в Сузах (Mesquien, 1943, p. 98-99).

Сразу за повозкой, вдоль восточной стены «двора» находился скелет молодой лошади, в момент смерти уронившей голову

на одно из колес. Все определения костей животных проводил опытный ветеринар Чарыев. Образцы костей взяты для анализов, в том числе и на ДНК. По состоянию эпифизов длинных костей – животное молодое. Размеры его не крупные. Причина размещения молодой лошади между повозкой (предположительно, у ее задней части) и стенкой двора достаточно неожиданно. Нельзя исключать, что она была выпряжена из повозки, а затем переведена на это место.

Подводя краткие итоги описанию одной из гробниц открытого на Гонуре «царского» некрополя, надо отметить следующее. Выявленный погребальный комплекс состоит из модели жилого дома с двором. В доме имеется 4 комнаты-камеры. В первую из них помещались останки покойников без каких-либо погребальных приношений. Явно прослеживается последовательный обряд захоронения. Во второй камере были обнаружены мельчайшие фрагменты бронзовых изделий и кости баранов. Третья камера являлась своего рода прихожей или вестибюлем, куда имелся «парадный» вход с порогом, а по бокам – проходы в помещения № 2 и № 4. В четвертой камере располагались самые ценные погребальные приношения. Именно здесь были сооружены две ниши и большой «тайник».

Большое недоумение вызывает полное отсутствие во всех камерах черепов людей. Имеется лишь одна нижняя челюсть. Даже в случае ограбления и разрушения погребения, в гробнице должны были остаться хотя бы отдельные зубы умерших. В этой связи необходимо вспомнить близкую ситуацию, отмеченную при расчистке всех 47 камерных гробниц на некрополе Гонура, принадлежавших местной аристократии, где так же не были встречены полные скелеты, а зачастую только лишь мелкие кости от них (так называемое «костяное крошево», а в большинстве случаев – зубы). Так же как и в данном погребении, объяснить это только действиями грабителей практически невозможно. Было высказано предположение, что по прошествии определенного времени кости изымались из гробниц и переносились в другое место, что находит свое подтверждение

на примере других ранее раскопанных могильников Средней Азии (более подробно см.: Сарианиди, 2001). Такой обряд сохранился до наших дней в некоторых странах Средиземноморья, в том числе, например, в Греции, а также в монастырях греческой православной церкви на Синайском полуострове. В этих местах тело умершего помещается в могилу (выдолбленную, например, в горной породе) на 3-5 лет. Затем останки оттуда извлекаются и (например, в монастыре Св. Елены на Синайском полуострове) хранятся в специальных зданиях на протяжении всех столетий существования святого места (рис. 43). Причем черепа складываются в одно помещение, длинные кости - в другое. Ни в одном из раскопанных объектов Гонур депе скопления черепов или длинных костей пока обнаружено не было. На некрополе были зафиксированы лишь три фракционных погребения.

Рисунок. 43. Костехранилище в монастыре Св. Елены на Синайском полуострове, Египет

Нельзя полностью исключать и другую ситуацию. В погребальное сооружение покойник мог помещаться не сразу после смерти, а после пребывания в каком-то другом месте типа дахмы. По каким-то причинам черепа в «дома мертвых» не помещались. Это предположение в какой-то мере объясняет тот факт, что в дахме, описанной В.И. Сарианиди на территории дворца Гонура (Sarianidi, 1998; Сарианиди, 2001), не было найдено никаких погребальных приношений.

Итак, есть веские основания считать, что в рассматриваемой «царской гробнице» практиковался последовательный обряд погребения, когда по мере необходимости предшествующий скелет сдвигался в сто-

рону, а на его место помещался вновь умерший, как это было установлено в камерных гробницах того же некрополя Гонура. Иначе говоря, есть основания считать, что «царская гробница» представляла собой фамильный склеп, куда по мере необходимости прихоранивались новые покойники, которые при жизни находились в определенном родстве между собой.

Это в свою очередь дает основания предполагать, что и сама камера и тем более прилегающий двор были не засыпаны землей, а пустые. По мере необходимости родственники вновь умерших могли свободно входить внутрь гробницы и совершать необходимые погребальные церемонии. Разная степень фрагментированности костяков, так же как большое число грабительских проломов и лазов – все вместе

свидетельствует о неоднократном ограблении гробницы.

Пока мы останавливаемся на описании лишь одного вскрытого в 2004 г. погребения. Самое существенное здесь заключается в следующем: устройство, в какой-то степени сходное с описанной гробницей № 3200 («двор» и «дом мертвых»), имело только погр. № 3210, расположенное в нескольких метрах к югу. Оставшиеся пять имели иную структуру, отличающуюся как от этих двух, так и друг от друга. Подробная публикация и анализ всех гробниц – дело ближайшего будущего. Находки, сделанные в них, свидетельствуют о несомненных культурных связях с Месопотамией и о высочайшем уровне искусства маргушских мастеров.

Литература

- Дубова Н.А.* Еще раз о тысячелетней давности долихокефалии туркмен // Мирас. 2004. № 1.
Дубова Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2003. М., Наука, 2004.
Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
Сарианиди В.И. Город царей и богов // Мирас. 2003. № 3. С. 92-104.
- Bietak M.* Der Friedhof in einem Palestgarten aus der Zeit des späten Mittelereen Rieches und andere Forschungsergebnisse aus dem östlichen Nil delta // Ägypten und Levante. 1991. N 2. S. 47-75.
Mecquenem M.M.R. Fouilles de Suse 1933-1939 // Memoires de la Mission archeologique en Iran. T.29. Paris, 1943.
Pottier M.-H. Materiel funeraire de la Bactriane Meridionale de l'Age du Bronze. Paris, 1984.
Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrianism. Athens, 1998.
Sarianidi V. Necropolis of Gonur and Iranian paganism. 2nd edition. Athens, Kapon edition, in press.